

О. Н. ТРУБАЧЕВ

РАННИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЭТНОНИМЫ — СВИДЕТЕЛИ МИГРАЦИИ СЛАВЯН

Как известно, этноним — это название народа, нации, а также племени. Древние этнонимы служили обычно названиями племен. Поскольку нас здесь интересует древний аспект этой исторической проблемы, в поле зрения нашей работы оказываются не все современные обозначения славянских наций; так, мы сознательно оставляем в стороне не имеющие четкого племенного прошлого макроэтнонимы *русские* (*Русь*, *Россия*), *украинцы*, *болгары*, *македонцы*, которые могут быть предметом особого исследования. Перечисленные национальные этнонимы имеют различную историю (иногда очень древнюю), этимологически не вполне ясны (*Русь*) или имеют совершенно четкую этимологию — восходят, например, к географическим обозначениям (*Украина* — собственно «окраина») или к иноязычным названиям неславянских народов соответствующих земель. В последнем случае есть заимствования более чем тысячелетней давности (название болгар, усвоенное славянами от турков на нижнем Дунае), но есть и совсем свежие заимствования, как, например, название македонцев, принятое южнославянским народом по имени населявшего приблизительно эти же места и исчезнувшего в глубокой древности балканского, по-видимому, индоевропейского народа, о языке которого нам известно крайне мало¹.

Здесь нас интересуют этнонимы, которые так или иначе связаны с племенным этапом истории славян. Среди этих ранних славянских этнонимов есть названия, проделавшие долгий путь от племенных до национальных самоназваний, каковы этнонимы поляков, чехов, сербов, хорватов, словенцев, словаков, но есть и немало таких, которые так и остались племенными названиями, точнее сказать, в силу исторических причин могут в большинстве своем считаться забытыми и дошли до нас только в древних письменных свидетельствах. Такая случайная (иногда дефектная) сохранность одних древних этнонимов позволяет допускать бесследную утрату других, не менее древних и интересных племенных названий, которые отмирали и забывались, как это имело место и с апеллятивной лексикой славянских языков. Задача исторической славистики состоит в том, чтобы как можно полнее собрать и критически исследовать древнюю славянскую этнонимию, определить новые, современные аспекты ее изучения, внимательно оценить ее значение для внешней и внутренней истории славянских языков. Потребность в этом назрела сейчас тем более, что здесь, в этой отнюдь не новой отрасли славяноведения и славянского сравнительно-исторического языкознания сформировались устоявшиеся взгляды,

¹ Принимая во внимание вероятную иллирийскую языковую принадлежность античного македонского, можно было бы с еще большим основанием ожидать, что южнославянские народы — сербы и особенно хорваты, расселившиеся на явном иллирийском субстрате, назовутся иллирийцами. Этого не произошло, но тенденции к тому существовали, вспомним *Илюрихъ-Словѣне* русских летописей и исторически совсем не позднее (XIX в.) движение национального возрождения хорватов, так и именовавшее себя «иллирийским возрождением» (*Ilirski Preporod*) и оставившее по себе следы в топонимике Югославии (*Ilirski trg* «Иллирийская площадь» в Загребе и др.).

которые справедливее будет отнести к взглядам устаревшим, и давно господствует скепсис, плодотворность которого по меньшей мере сомнительна. Суть скептических воззрений сводится к тому, что все обращают внимание на повторение одних и тех же этнонимов в разных частях славянской территории, признавая одновременно невозможность каких-либо выводов из такого распространения. Попробуем, однако, разобраться в некоторых из этих вопросов, не претендуя на исчерпывающее изложение, едва ли возможное в тесных рамках журнальной статьи.

1. Славяне и Карпаты²

В этом разделе, говоря о ранних славянских этнонимах и некоторых смежных предметах, мы хотели бы вместе с тем на первое место выдвинуть два методологически важных общих вопроса: (1) определение центра ориентации древних этнолингвистических передвижений и (2) роль информации в направлении этих передвижений. Заранее отметим, что в первом случае ожидается непосредственное выражение феномена в фактах языка, тогда как во втором — скорее опосредствованное, косвенное отражение (речь тут пойдет о характере предполагаемых контактов, т. е. о своеобразном социолингвистическом аспекте). Хотя в данной статье мы не решаем проблему прародины славян, следует иметь в виду тесную связь проблемы раннеславянских этнонимов с этой знаменитой проблемой славяноведения. Как известно, место прародины славян пытаются определить (помимо исторических сведений из рассказов древних авторов, а также археологических данных) лингвистически — путем исследования древних лексических заимствований и древней ономастики (топонимии, гидронимии, этнонимии). Исследовательские процедуры и воззрения страдали и страдают, однако, при этом ощутимой механистичностью и атомизмом. Почему-то упускается из виду, что, например, совокупность древних славянских топонимов и этнонимов по всей вероятности должна была быть осмысленной совокупностью, а значит иметь центр и периферию. Оговоримся, правда, что для нас здесь важно понятие центра ориентации, а не геометрического центра (оба центра могут далеко не совпадать друг с другом, и это конкретно имело, по-видимому, место в случае с древними славянами). Центр ориентации влиял на формирование названий стран света в разных языках, и обратно — праистория самих этих названий подсказывает нам ход древней миграции соответствующего этноса. Например, известно, что др.-инд. *dākṣiṇa-* «южный» одновременно означало «правый», откуда следует, что обозначавшие таким способом юг племена длительное время двигались в восточном направлении. В связи с этим думается, что левый приток Днепра — Десна — получила это название не от славян, которые якобы двигались к северу, имея ее справа (Шахматов) или же, называя эту реку, прибегли к эвфемизму, назвав левый приток правым (Фасмер); и то и другое маловероятно по той простой причине, что селившиеся здесь восточные славяне никогда не имели (как, впрочем, и западные) в своем языке слова **desnъ* «правый», известного на правах праславянского диалектизма только южным славянам. Похоже, что Десна получила свое название от балтов, для которых (в их продвижении к востоку) она долгое время была «правой, или южной» рекой, ср. литов. *dėšinas* «правый».

² Краткое изложение некоторых соображений на эту тему см.: О. Н. Трубачев, Ранние славянские этнонимы. I. Славяне и Карпаты, «Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24—26 апреля 1973 г.)». Тезисы докладов и сообщений, М., 1973, стр. 56 и сл.

Описанный выше центр ориентации в жизни древних народов был величиной исторической, т. е. мог со временем меняться. Нам кажется возможным предположение, что для праславян какое-то время таким центром служили Карпаты. Ныне уже давно Карпатские горы лежат посредине земель, населенных славянскими народами. Из этого, конечно, не следует, что так было всегда. Более того — срединное положение Карпат скорее всего представляет собой вторичный результат расселения славянских племен, как бы обтекавших эти горы с запада и востока. Само направление этих миграций, исходившее из наличия карпатской преграды, свидетельствует о том значении ориентира, которое названные горы имели для славян еще тогда, когда находились вне праславянской территории, ибо «вне пределов обитания» еще не значит «вне поля зрения», хотя исследователи прародины славян, кажется, молчаливо отождествляют одно и другое в своих опытах каталогизации того, что знали и чего не знали славяне, находясь в рамках прародины. Так, обычно из суммы известного праславянам вычитают такую реалию, как горы, горный рельеф и совершают тем самым ошибку, недооценивая преодолимость расстояний и распространение информации в древности. Праславяне знали о Карпатских горах. Образно говоря, Карпаты были слышны и видны на Волыни и в Среднем Поднепровье, подобно тому как в «Страшной мести» благодаря чуду эти далекие горы стали видны в городе Глухове и других захолустных местах гоголевской Малороссии. Других гор в подлинном смысле слова поблизости не было. Поэтому Карпаты были издревле для славян *Góry par excellence*.

Моделируя свои представления о локализации прародины славян, современные ученые ориентируются в изучаемом времени и пространстве также по Карпатам, т. е. при всех отличиях, поступают, как некогда праславяне. Карпаты фигурируют в самых непримиримых теориях славянской прародины: по висло-одерской теории, как и по западнобугско-среднеднепровской, они служат естественным рубежом с юга, по возрождаемой дунайской теории, эти горы, наоборот, обрамляют первоначально земли славян на севере и востоке³. Курьезно, что некоторые аналогии в духе сказанного выше просматриваются и в отзвуках эпох, близких к праславянской древности. Выше было предложено ввести в изучение славянской прародины такие понятия, как центр ориентации и роль информации в направлении племенных передвижений. В существующей литературе как бы предлагается принимать перемещения славян так, как они есть, ни мотивировка их происхождения (кроме разве смутных ссылок на многолюдие славян), ни выбор маршрутов не обсуждаются и не упоминаются. А между

³ Отголоски древнего пребывания славян на Дунае существуют и требуют изучения, а не одного лишь скептического отношения. Интерес к ним в науке будет, возможно, еще усиливаться, особенно в связи с современными поисками индоевропейской прародины где-то вблизи Дуная и Балкан. Но сразу отметим, что это самостоятельные проблемы. В самом деле, что значат знаменитые и несколько смущающие нас слова летописной «Повести временных лет» («По мнозѣхъ же времѣнѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунави, гдѣ есть нынѣ Оугорьска землѣ, и Болгарьска. [и] тѣхъ Словѣнъ разидошасѣ по землѣ...» Лавр.)? Ведь буквальный перевод гласит: «После многих времен поселились славяне по берегу Дуная...» Именно так — после многих предшествующих времен, в течение которых они могли жить в своей прародине, которая в таком случае располагалась отнюдь не по Дунаю. Слова *по Дунаю* означают «по берегу Дуная», внятных указаний на древнее обитание славян «обабол» Дуная нет, несмотря на упоминание «и Болгарской земли». Указание летописи на то, что именно отсюда славяне «разошлись по земле», надо понимать как свидетельство о возвратных миграциях (к чему мы еще вернемся). Пока очевидно, что по ту сторону Карпат знали и о Дунае. Недавняя попытка безоговорочно локализовать прародину славян на Дунае (В. П. Кобычев, В поисках прародины славян, М., 1973) выполнена, к сожалению, с негодными лингвистическими средствами.

тем это не праздные загадки. Если мы не будем принимать в расчет возможной дальности двусторонних коммуникаций того времени и наличия информации извне, «слухов», которыми полнилась прародина славян, их миграции отсюда в отдаленные земли останутся для нас непонятными. А это были наверняка не блуждания вслепую, но целенаправленные передвижения, совершавшиеся, как нам кажется естественным предположить, по заранее разведанным, оптимальным маршрутам, передвижения, имевшие цель, ориентировавшиеся относительно отправного пункта, и это оставило следы в языке.

Показательна, например, миграция хорватов. Племенная группировка славян с этим этнонимом, далеких, восточных истоков которого мы еще коснемся, упоминается летописью где-то по соседству с древнерусскими дулебами, волянынами (*Хрвате*, Лавр. л. 5). Отдельно от них называются *Хрвате Бѣли* «белые Хорваты» (Лавр. л. 2—3), они же — *Вѣлохрвати* у Константина Багрянородного, находившиеся на верхней Висле, близ Кракова, т. е. на запад от хорватов Древней Руси. Название *белые хорваты* не случайный эпитет, цветовая символика в этнонимии тесно связана с символическим обозначением стран света. Само явление у славян представлено не так ярко, как, например, у тюркских народов⁴, возможно, общением с последними оно навеяно и у славян; вспомним взаимно покрывающие друг друга обозначения каракалпаков и черных клобуков (в Киевской Руси): «черный» у тюрков может значить «северный», тогда как «белый, светлый» — «западный», и тут в свою очередь надо вспомнить куманов, по-древнерусски — половцев, т. е. «светлых», действительно, далее других тюрков продвинувшихся к западу. В свете приведенных данных этноним *белые хорваты* читается нами как «западные хорваты». Иначе и, на наш взгляд, неудачно читает эту форму С. Роспонд, который видит в *Вѣлохрвати* (Конст. Багр.) первоначальное *Velochrobati*, т. е. «великие хорваты»⁵. Не говоря о том, что русская летопись (выше) позволяет только интерпретацию «белые хорваты», польский ученый делает тут же вторую ошибку, понимая «великий» как синонимичный значению «первоначальный, материнский», что якобы должны подтверждать примеры отношений *Magna Graecia* — *Parva Graecia*, *Wielkopolska* — *Małopolska* и т. д.⁶. Как раз наоборот: элементом сравнительной этнонимии (и ономастики вообще), ее типологической универсалией должно считаться наблюдение, что обозначения стран и народов с компонентом *Великий*, *Великая* [*Великая Греция*, *Великобритания*, *Великороссия*, *Великая Скифия*] (Лавр. л. 5: о землях между Днестром и Дунаем, позднее всего включенных в понятие Скифии) в с е г д а относятся к области вторичной колонизации.

⁴ Ср.: A. von Gabain, Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung, AO, XV, 1962, стр. 114 и сл. «Белых городов», действительно, больше всего на древнем славянском западе и смежных землях, ср. серб.-хорв. *Београд*, далее — *Biograd* (на могу), еще далее — венг. *Székes-fehérvár* (буквально «престольный Белгород», по-немецки — *Stuhlweißenburg*), в Трансданию; сюда же кельтское название Вены — *Vindo-bona* «белый город» (A. Vach, Deutsche Namenkunde, II, 2, Heidelberg, 1954, стр. 49). Остатком такой географической номинации можно считать Белую Русь, собств. «Западная Русь». Есть примеры стойкой ономастологической традиции: геродотовские *Μελάρχαιον*, букв. «черные одежды», позднее приблизительно в том же районе, видимо, долго остававшемся «крайним севером» древних славян, — *Черныгов* (а также *черные клобуки*) и наконец — *северяне*, *сѣверъ* (Лавр. неоднократно), которое вовсе не нужно считать неславянским этнонимом (вопреки О. С. Стрижаку; см. его ст. «Северяне», «Мовознавство» 1973, 1, стр. 64 и сл.).

⁵ S. Rospond, Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich, II, «Rocznik slawistyczny», XXIX, 1, 1968, стр. 26.

⁶ Там же.

ции, а не к метрополии⁷. Этот штрих тоже необходимо добавить, реконструируя древнеславянские представления о центре ориентации и соответственно — о периферии ее: так, название *Wielkopolska* получила часть Польши, более удаленная на север и запад от ранее освоенной южной части страны, близ Карпат. (Счет велся, таким образом, еще более очевидно от Карпат, чем в рассмотренном случае с белыми хорватами, этноним которых паспортизует их западное продвижение. Племенная группировка хорватов шла, таким образом, в обход Карпатских гор. Письменная история застает этот этноним, далее, в Чехии, в Германии и, наконец, в западной части нынешней Югославии⁸).

Была ли эта конечная цель — достигнуть Средиземноморья — у хорватов с самого начала? Вполне возможно, если вспомнить древний «Янтарный путь», связывавший Адриатику и Балтику и, конечно, пользовавшийся известностью у славян и даже балтов, хотя последних в литературе принято иногда выставлять эдакими консервативными затворниками своих дремучих лесов⁹. Разве не было более прямого и короткого пути в те благословенные края? Ведь Карпатские горы имеют перевалы. Славянские переселенцы, отправляясь в путь, должны были знать и это, как, впрочем, также и то, что Карпатские горы населены чужим народом (ср. старый иллиризм в славянском — *Бескиды*, польск. *Bieszczady*¹⁰), который держал тогда в своих руках, по-видимому, и перевалы (название одного из карпатских перевалов — *Дукля* — заимствовано славянами непосредственно у иллирийцев, ср. тождественное *Дукля* в Черногории и там же — античное *Δούκλα* у Птолемея¹¹), поэтому прямой путь через горы был небезопасен.

Вероятная прародина славян — территория к северо-востоку от Карпат — не только служила отправным пунктом славянских миграций, но и сама принимала в отдельных случаях возвратные волны тех славянских племен, которые после долгих миграций как бы вновь обрели родину (возможно, перед дальнейшими передвижениями в новых направлениях). Такая возможность как-то не принимается в расчет, а между тем нет ничего более естественного, тем более, что отдельные случаи, по нашему мнению, просто нельзя объяснить иначе. Примером может служить племя, носившее имя дулебов (праслав. **dudlěbi*). Письменная история застает дулебов на Волины («Дулѣби живаху до Бу гдѣ ныне Величанае». Лавр. л. 5), но их название ведет на запад: племя *Dudlebi* в древности было известно на юге Чехии¹², его следы отмечены в топонимии Словении, а также Германии — *Deutleben*, близ Веттина¹³. Славянский этноним **dudlěbi* имеет

⁷ О. Н. Трубачев, [рец. на кн.:] «Słownik starożytności słowiańskich», I, 2: II, 1 [з. в. *Chorwacja Biała, czyli Wielka* (G. Labuda)], «Этимология. 1965», М., 1967, стр. 388.

⁸ См.: M. G i m b u t a s, *The Slavs*, New York — Washington, 1971, Chapter III. Slavic tribal names in historic records of first centuries AD; специально см. стр. 108—109.

⁹ Полезно обратить внимание на тот факт, что латышское название обезьяны *čīms* заимствовано из этрусского *āpilos* «обезьяна» (Страбон, см.: K. M ü l e n b a c h a, *Latviešu valodas vārdu ca. Red. J. Endzel'ns. VIII. burtn'ca, Rīga, 1924, стр. 571.* Топонимические следы средиземноморцев-этрусков на Балтике также вероятны. См.: T. L e h r - S p ł a w i ŋ s k i, *O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian*, Poznań, 1946, стр. 86—87. О «Янтарном пути» см.: J. C z e k a n o w s k i, *Wstęp do historii Słowian*, wyd. 2, Poznań, 1957, passim. Для аналогии приведем еще суждение германиста о германских передвижениях: «Пример готы, рассказы о более легкой жизни на юге... побуждали готы тоже двинуться на юг» (E. S c h w a r z, *Germanische Stammeskunde*, Heidelberg, 1956, стр. 100).

¹⁰ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация, М., 1968, стр. 281.

¹¹ Там же, стр. 282.

¹² Л. Н и д е р л е, *Славянские древности*, М., 1956, стр. 120.

¹³ T. W i t k o w s k i, *Über die Sammlung der altpolabischen Stammesnamen*, «Четвертое заседание на Меѓународната комисија за словенска ономастика. Говори и реферати. Скопје — Охрид, 17 IX — 23 IX 1970», Скопје, 1971, стр. 70.

германскую этимологию¹⁴, но ее источник надо искать не на Волыни времен готской экспансии, как думали некоторые исследователи, производя это название из герм. **leud(a)-laibaz* «народное наследство» (но тогда получилось бы слав. **tjudlěbi*, чеш. **Cudlebi*, русск. **чулебы*!) или из герм. **Dudl-eiba* «Волынь»¹⁵. **Dudlěbi* — название западногерманского происхождения, но связано оно опять-таки не с антропонимами вроде *Deilef*¹⁶, что не представляется достаточной базой для славянского племенного названия. Областью возникновения этнонима **dudlěbi* мы считаем территорию древней Тюрингии с крайне характерными для нее топонимами на *-leben* (древневерхненемецкое *-leiba*, *-leba*), заключающими в первом компоненте имя владельца или предка, например *Fallersleben*, упоминаемое в X в.¹⁷. Этот топонимический тип зародился в тесной связи с феодальным землевладением данной территории в раннее средневековье. Поскольку вскрываемая внутренняя форма соответствующих германских топонимов — «наследие (определенного) лица», делается очевидной реально-семантическая искусственность реконструкции **leud(a)-laiba* «наследие народа», не принятой нами выше по фонетическим соображениям. Возможно, в слав. **dudlěbi* скрывается герм. **daud-laiba* с этимологическим значением «наследство умершего, выморочное наследство», что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами; слав. **dudlěbi* было бы тогда исторически тождественно реально существующей немецкой фамилии топонимического происхождения *Totleben*. Отражение герм. **dauda* «мертвый» в форме слав. *dud-* находим еще в словацком гидрониме *Dudvák* (1208 г.), собственно «мертвый Ваг», бассейн Вага, левого притока Дуная¹⁸. Экспансия славян в Германию была затем приостановлена, чем вызваны были обратные миграции, которые привели этническую группировку славян-дудебов снова на Волынь и дальше, на северо-восток, в потоке русских миграций. О том говорят такие факты, как русское диалектное (орл., курск., тул., ряз., калуж., влад., т. е. в основном южновеликорусское) бранное слово *дудѣб*, *дудѣн* «дурак; урод»¹⁹ и чешские, а также другие западнославянские ассоциации в русской топонимии вятичского Поочья²⁰.

Кажется ясным, что для успешного продвижения на Запад, в Германию, славянское племя должно было располагать надежными сведениями, во-первых, о том, что в этом направлении его ждет удобный, равнинный путь и отсутствуют серьезные преграды вроде Карпат, оставляемых к югу, а во-вторых — известиями о том, что на Западе хорошие земли освобождаются германцами, теснившими уже в течение ряда столетий кельтов к западу и к югу.

¹⁴ Сомнения в германском происхождении в данном случае лишены оснований (ср.: В. П. Петров, *Этногенез славян. Джерела, етапи розвитку і проблематика*, Київ, 1972, стр. 51—52), попытка исконно славянской этимологии у С. Роспонда — на **Dolěby* якобы из сложения с предлогом-приставкой *do-* (S. R o s p o n d, указ. соч., стр. 24) — элементарно противоречит тому, что известно о вокализме и консонантизме этнонима, и не может быть принята.

¹⁵ R. N a h t i g a l, «*Slavistična Revija*», IV, 1956, стр. 95 и сл.

¹⁶ Так см.: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, I, М., 1964, стр. 551.

¹⁷ См.: А. В а с h, *Deutsche Namenkunde*, II, 2, стр. 330 и сл.

¹⁸ V. S m i l a u e r, «*Zpravodaj Místopisné komise CSAV*», XIV, 2—3, Praha, 1973, стр. 531; его же, *Vodopis starého Slovenska*, Praha — Bratislava, 1932.

¹⁹ «Словарь русских народных говоров», под ред. Ф. П. Филина, 8, Л., 1972, стр. 253.

²⁰ Подробнее см.: О. Н. Т р у б а ч е в, *Етимологічні спостереження над стратегією ранньої східнослов'янської топонімії*, «Мовознавство», 1971, 6, стр. 6 и сл.

II. Тип славянского этнонима

В известной нам литературе нет недостатка в определениях того, что можно назвать общей типологией этнонимии. Характерно, что исследователи даже на опыте анализа частных этнонимий стремятся построить по возможности универсальную схему²¹. Собранные таким путем наблюдения о семантических связях этнонимов разных народов, разумеется, полезны. Вот несколько образцов этнонимических классификаций у отдельных авторов: «Принципы этнонимии выражаются а) в пространственной ориентации аблативного характера, б) в патронимической деривации, с) в квалифицирующих характеристиках, д) в функциональной ориентации»²². Другой ученый сводит признаки этнонимов практически всех народов и племен всех времен к трем основным: *topographica*, *anthronymica*, *pluralia*²³. В составе этнонимии вычлениаются самоназвания с внутренней формой «человек», «люди», «народ», «говорящие, понимающие», «свои», далее — названия патронимические, принадлежностные, топографические, названия, описывающие внешность, занятия, обычаи, организацию, характер людей племени²⁴. Нельзя не отметить почти исключительно семантического принципа приведенных классификаций, что недостаточно для всесторонней характеристики этнических названий, которые определенным образом построены, имеют конкретную структуру, а следовательно — объединяются в типы также по формальным признакам. Такие наблюдения единичны, ср. цитировавшееся выше наличие у подавляющего большинства этнонимов категории *pluralia*. Но еще более серьезного внимания заслуживает то обстоятельство, что общности, объединяющие разноязычные этнонимы, заслонили в глазах исследователей контрастные их характеристики, в результате чего частная, или контрастивная, этнонимическая типология разработана еще недостаточно. Наблюдения в этой области еще более редки, а цельные концепции отсутствуют даже у ученых, для которых вся опомастика пронизана закономерностями негативной номинации и закона ряда.

Итак, если мы обратимся к современной научной литературе с вопросом — каков тип славянского этнонима? — мы не получим ответа. Для того чтобы стало ясно, что речь идет об одной из важнейших не только лингвистических, но и культурно-исторических задач, достаточно сослаться в качестве примера на прозорливую мысль классика сравнительного языкознания Я. Гримма о том, что ни одно германское племя не было названо по крупной реке (Эльба, Рейн), поскольку это были народы, склонные к миграциям²⁵. Отличную картину наблюдаем у славян (а также кельтов, иллирийцев, фракийцев, см. ниже). Значит, единственный путь к ответу на поставленный вопрос о типе славянского этнонима — это сравнение составов славянской этнонимии с этнонимиями других народов. Удивительно, что до сих пор не произведено, например, фронтальное сопоставление славянской этнонимии и балтийской этнонимии как системно организованных совокупностей, а ведь это имеет непосредственное отношение к балто-славянской проблеме. Здесь дело не шло дальше изолированных параллелей

²¹ G. Langenfelt, On the origin of tribal names, «Anthropos», XIV/XV, 1919—1920, стр. 296 и сл.

²² М. Павловић, Najstariji makedonsko-plemenski nazivi i principi nastanka etnonima, «Четврто заседание на Меѓународната комисија за словенска опомастика. Говори и реферати. Скопје — Охрид, 17 IX 1970», стр. 137.

²³ S. Rospond, Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich, «Rocznik slawistyczny», XXVI, 1, 1966, стр. 21.

²⁴ В. А. Никонов, Этнонимия, «Этнонимы», М., 1970, стр. 15—17, 19—24.

²⁵ Цит. по кн.: T. Witkowski, указ. соч., стр. 71, примеч. 6.

вроде балт. *galindai* «галинды» (собств. «окраинные»: литов. *gālas* «край»); украинцы, ср. край.

Попытаемся сопоставить обе названные этнонимии в относительно полном объеме, для чего может быть использован обзор балтийских племен и их имен от Птолемея до XIII в. у К. Буги²⁶ (сохраняется написание Буги): *lietuviai* (*žemaičiai*, *aukštaičiai*), *latviai*, *prūsai*, в том числе — *Galindai* καὶ Σοῶνιοι (Птолемей), далее, по данным немецкого хрониста Дусбурга (XIII в.), — *Pomesani* (**po-medjan* «под лесом»), *Pogesani* (**po-gudjan* «под кустами»²⁷, *Warmia*, *Nattangi*, *Sambia*, *Sembi* (букв. «свои»), *Nadrowia*, *Scalowia*, *Sudowia* («свои»), *Bartha*, *Galindia*; *jótvingai* («толпа, отряд»), *Dainava*, *kursiai*, *žiemgaliai*, *sėliai*. Общее название отсутствует (объем значения лат. *Aestii* у Тацита, I—II вв. н.э., неясен, современное балты — книжное нововведение). Славянские этнонимы (ввиду их относительной многочисленности даем их обобщенно, в праславянской реконструкции, сомнительные и второстепенные случаи опускаются): **beržane*, **bužane*, **bobr'ane*, **xъrvatī*, **dudlěbi*, **česi*/**česi* (**čerъ*), **čerzpeněne*, **dědošiti*, **dědošane*, **dregoviti*/**dręgoviti*, **dervjane*, **do(k)šane*, **ezeriti*, **ezerъci*, **kriviti*, **lesi*/**lēši*, **l'utiti*, **lupigolva*, **lučane*, **lužiti*, **l'uto-měriti*, **milьčane*, **moravjane*, **obodriti*, **polabi*, **pol'ane*, **pomor'ane*, **pyšev(j)ane*, **rěčane*, **sъrbi*, **sěveri*/**sěveri*/**sěver'ane*, **slověne*, **smolěne*, **solězane*, **sprev(j)ane*, **stodor'ane*, **strumjane*, **tiverъci*, **terbov(j)ane*, **rgliti*, **vojъniti*, **vetiti*, **vislěne*, **vorni*/**vornavi*, **vъrk'ane*, **velyn'ane*. Общее название **slověne* (словообразовательные варианты опускаем как вторичные), оно фигурирует, как известно, у различных славянских племен, известно в этой форме с очень раннего времени ((Σοῶνιοι,; Птолемей, II в. н.э., Σκλαβῆνοι, Прокопий, VI в., *Sclavini*, Иордан, VI в.); вместе с тем оно должно быть признано славянским новообразованием, полные соответствия которому (включая суффикс) отсутствуют в других индоевропейских языках. Отрембский отождествил **slověne* с названием литовской деревни *Slavėnai* на реке *Slavė*²⁸, каковое сходство, однако, обманчиво, если мы вспомним, что литовские производные на -ėnas могут обозначать жителей населенных мест (*Tilžė* — *tilžėnas*), но практически не дают названий народов (западнобалтийских **pamed-ian*, **pagud-ian* мы еще коснемся). Славянские производные на -ěn/-jan- семантически гораздо шире: они охватывают и названия жителей (этноконны) и собственно этнонимы (**beržane*, **bobr'ane*, **bužane*, **čerzpeněne*, **dědošane*, **dervjane*, **moravjane* и т. д., выше), но также и своеобразные имена деятеля, ср. др.-русск. *кличане* «охотники, поднимающие дичь криком»²⁹. Производные на -ěn- продуктивны в славянской этнонимии, где можно видеть их варьирование с другими формантами (**obodriti* — **obodrěne*³⁰, **dědošiti* — **dědošane*), с этнонимами на чистую основу (**sěveri*, Σέβερις, *Severes* — **sěver'ane*, сюда же — падежные формы без -ěn-, ср. др.-русск. *Пол-не*, *Дерева-не*, но в *Пол-хъ*, в *Дерева-хъ*, Лавр.), наконец, суффикс -ěn- может оформлять уже готовые производные этнонимы на -iti-, например *Kryvitsani* (Пелопоннес), при *Kρυῖττοά* (Мессения), *Crivitz* (Мекленбург),

²⁶ К. Б у г а, *Lietuvių kal'os žodynas. Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai* (то же см.: К. Б у г а, *Rinktiniai raštai*, III, Vilnius, 1961, *passim*).

²⁷ Ср. еще: Е. Ф р е н к е л и с, *Baltų kalbos*, Vilnius, 1969, стр. 60.

²⁸ Ј. О т р е б с к и, *Die Herkunft der Bezeichnung Slověne*, «Lingua posnaniensis», VII, 1959, стр. 263—264.

²⁹ R. Ј а к о б с о н, «International journal of Slavic linguistics and poetics», 1/2, 1959, стр. 271.

³⁰ Е. М о с к о, *W sprawie niektórych słowiańskich nazw plemiennych i przyrostka -it-*, JP, LIII, 1973, стр. 289.

др.-русс. *Кривичи*³¹. Говорит ли это в пользу реальности раннепраславянской формы без суффикса **slovi* (что вполне допустимо) или не говорит, важно иметь в виду упомянутую широту функций славянского *-ŕn-*, которое далеко не ограничивалось указанием на место, как обычно считают. Здесь, по-видимому, коренится причина того, что никто еще не обнаружил местного названия **Slova*, **Slovy*, от которого якобы произведено название **slověne*³².

Отличия балтийской и славянской этнонимий сводятся к тому, что балтийская этнонимия проще и малочисленнее по составу, не имеет общего названия для всех балтов, эквивалентного слав. **slověne*, она словообразовательно скуднее и ближе к производящим апеллитивам (ср. чистые апеллитивные основы в *galindai*, *Sembi*, *Warmia*, распространение апеллитивных основ в *Scalovia*, *Sudowia*, йотовые производные типа *lietuviāi*: *Lietuva*). Четко этнонимическим формантом обладают немногочисленные производные на *-t-*: литов. *žemaitis/žemaičiai* «жмудь, жемайты», ср. *vokietis* «немец». Этнонимический формант *-n-* восточным балтам неизвестен, он выступает лишь в двух — трех периферийных западнобалтийских этнонимах — в названиях частей и племен Пруссии *Pomesani*, *Pogesani* (и, возможно, *Soudinai*?), которые очень напоминают популярный славянский словообразовательный тип этнонимов, но вместе с тем и сами воплощают не чисто балтийский, а скорее переходный к славянскому тип.

Прежде чем высказаться определенно о типе раннеславянского этнонима, необходимо произвести, хотя бы бегло, аналогичные сравнения славянской этнонимии с племенными названиями у ряда других индоевропейских народов.

Начнем с германских (сведения, включая прагерманские реконструкции, вскрытие этимологического значения и т. д., наряду с античными записями, даются, с легкими отклонениями, на основании исследований Э. Шварца³³, прочие источники специально оговариваются ниже): *Teutones* (**Theudanoz* «жители страны народа»), **Chimbrōz*, **Ambron-*, **Wandal-* (букв. «[люди] Прекрасной долины»), **Hazdingōz* «длинноволосые», **Bur-*, **Burgundōz* «горцы, верховые», **Rug-* «(едящие) рожь», *Gutthiuda* «народ готов», **Gebedōz* «тупоголовые», **Erulaz* «знатные», *Χαρούδας* (Птоломей) «боевые», **Euthuz-* «потомки», **Warn-*, **Angl-* «(происходящие из местности) „Угол“», **Reudingōz* «корчеватели», **Hult-sata-* «лесовики», **Sahsa-* «меч-нож», **Hauhōz* «высокие», *Frisii*, *Φρίσιοι* (**Frūsja*³⁴), **Heruskōz* «коленки», **Ang(r)arii* «луговые», **Amsiwarjōz* «жители по реке Эмс», **Hansuarjōz* «жители по реке Хазе», **Tehswandōz* «правосторонние», **Ubjōz* «пышные», **Hattōz* «шапки», **Sturi-* «большие», **Sali-* «соленые», **Frank-* «свободные» (вар. «смелые»), **Swēbjōz* «свои, люди своего народа», **Sebnan-* «родичи», **Kwad-* «злые», **Markomann-* «жители пограничного леса», **Wangion-* «поляне», **Alamann-* «все мужи», **Duringōz* «потомки дуров», **Ermanadurōz* «племя великих дуров», **Bajuwarjōz* «жители земли боев», **Langabard-* «длиннобородые» (так E. Schwarz, Germ. Stammesk., 191—192), **Swejōz* «свои, родичи», **Dan-* «жители долины, низины». Показательно отсутствие общего древнего самоназвания, охватывающего всех

³¹ F. Miklosich, Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen, Heidelberg, 1927, стр. 270—271.

³² М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1971, стр. 665.

³³ E. Schwarz, Germanische Stammeskunde, passim; его же, Goten, Nordgermanen, Angelsachsen, Bern — München, 1951.

³⁴ О. Н. Трубачев, Заметки по этимологии и ономастике (на материале балто-германских отношений), «Питання ономастики (Матеріали II Республіканської наради з питань ономастики)», Київ, 1965, стр. 18: гипотеза о родстве балт. **Frūsja-* и зап.-герм. **Frūsja-*. Ср. еще кельт. *Prausi*, название народа в Галлии (Страбон).

германцев³⁵, эту функцию лишь отчасти исполняли в разных частях германской территории этнонимы с апеллятивными основами **thiuda* «народ», **Swē-* «свой, родичи». Количество ранних германских этнонимов приближается к количеству ранних славянских этнонимов (выше). Различия между ними весьма ярки. Действительно, отгидронимических производных среди германских названий племен почти нет (кроме этнонимов от названий рек Эмс и Хазе), что отличает их от славянских. Есть этнонимы, характеризующие среду обитания («лесовики», «луговые», «поляне»), далее — в большей степени местность происхождения («из прекрасной долины», «из местности „Угол“», «из пограничного леса»), чем местность обитания («жители по реке Эмс», «правосторонние», «жители страны боев»), что соответствует подвижности самих германцев. Слав. **bužane*, **potor'ane*, **rgliti*, **velyn'ane*, не говоря о многочисленных отгидронимических названиях славянских племен, — это прежде всего названия по месту обитания, а не происхождения. Исключение — этноним **obodriti*, собственно «жители по р. Одере», обозначающий племя, исторически засвидетельствованное в стороне от Одера, — лишь подтверждает правило. Германские этнонимы практически тождественны соответствующим апеллятивам, что, между прочим, нашло выражение в расцвете этнонимов — прозвищ разного рода («длинноволосые», «знатные», «боевые», «тупоголовые», «ножи», «злые» и т. п.). О том, насколько это нехарактерно для славянской этнонимии, можно судить по единственному славянскому этнониму-прозвищу с чистой лексической основой — названию племени **lupi-golva* (*Lupiglaa* в Чехии, Баварский географ, *Luppoglaui*, XII в., местное название словении, серб.-хорв. *Lupoglav*, сюда же восточнославянский гидроним *Лупоголова*³⁶), буквально «сорви-голова». Германские этнонимы, в отличие от славянских, не знают собственно этнонимических суффиксов -*t*- и -*n*-, но обнаруживают типично апеллятивные исходы основ, тогда как славянские этнонимы (ср. выше) ярко суффиксальны и как бы отделены от апеллятивов барьером собственной словообразовательной модели.

Кельтские этнонимы дошли до нас в значительном количестве³⁷: *Advatuci*, *Aegosāges*, *Aiduos*, *Alauni*, *Allobrīges*, *Allobrōges*, *Amaci*, *Amantini*, *Ambarrī* «племя по обе стороны р. Апар», *Ambi-āni*, *Ambibarii*, *Ambidrāvi* «племя по обе стороны Дравы», *Ambilatri*, *Ambiliāti*, *Ambilici*, *Ambisontes* «племя по обе стороны р. Изаонты», *Ambivariti*, *Ambrones*, *Anartes*, *Anatili*, *Anauni*, *Belgae* букв. «набухшие, надутые», *Bellōvacī*, *Belūni*, *Bergistani*. *Bibr-oci*. букв. «бобровые», *Bitūrigēs*, *Bōdiontici* букв. «победоносные», *Boii* букв. «страшные», *Boisci*, *Boresti*, *Brācāres*, *Brandobrici*, *Breuci*, *Breuni*, *Brigantes* букв. «горцы», *Brigiani*, *Cādūrci*, *Caerācātes*, *Caerōsi*, *Cāledōnes*, *Camunni*, *Cantābri*, *Carni*, *Cātūrigēs* букв. «короли битвы», *Cātuslōgi* букв. «боевые отряды», *Cātūvellauni*, *Cāvāres* букв. «исполины», *Celtae* букв. «вышешенные», *Cēnimagni*, *Cēnōmāni*, *Condrusi*, *Coriosolitēs*, *Cosuanētēs*, *Cotini*, *Dexivates*, *Diablintēs*, *Ebūrōnēs*, *Epidii* букв. «конные», *Ercūniātes*, *Gābāli*, *Gālātae*, *Galli*, *Garyli*, *Geidumni*, *Genauni* букв. «живущие в устье», *Grai*, *Icenī*, *Icōni*, *Ingaunes*, *Leuci* букв. «блестящие», *Limici*, *Lingōnes* букв. «прыгуны», *Longostaletes*, *Luceni*, *Lugi*, *Lugii*, *Magelli* букв. «поляне», *Mandubii*, *Mari-ci*, *Marsigni*, *Mattiāci*, *Mēdiōmatrici*, *Meldi* букв. «мягкие, приятные»,

³⁵ Ср.: Т. Р е к к а н е н, Тас. «Germ». 2, 3 and the Germani, «Arctos», 7, Helsinki, 1972, стр. 107 и сл. Автор прав лишь в том, что *Germani* — слово латинского происхождения. Что касается его отождествления лат. *Germani* и герм. *Sciri* «чистые», оно вызывает сомнения. Скорее *Germani* = *Suebi* «свои» (Коллиндер).

³⁶ См. еще: Ф. В е з л а j, *Onomastika in leksikologija*, «Четврто заседание на Меѓународната комисија за словенска ономастика...», стр. 18—19; его реконструкция основы **gleup-* неубедительна.

³⁷ Сведения и семантические толкования почерпнуты из кн.: А. Н о l d e r, *Alt-celtischer Sprachschatz*, I—II, Graz, 1961—1962, *passim*.

Mēnāpīū, Mōrīnī букв. «поморяне», *Namnētes, Nārvālī, Nēmetes* букв. «знатные», *Nervū, Nitiobrōges, Nōricī, Oxubii* букв. «горные», *Pārisīi* букв. «бравые», *Pictāvi, Pictī, Prausī, Quariates, Quarquernī, Rauricī* букв. «с реки Рур», *Rēddōnes, Remi, Rucinātes, Rutenī, Saevates, Saii, Sālassi, Sallivī, Salpinates, Samnitae, Santōnī, Scordiscī, Scottī, Sedunī, Sēgōvellaunī, Sēgovū, Sēgūsiavī, Senones, Sēquānī* букв. «жители (берегов) Сены», *Sidōnes* букв. «мирные», *Silures, Sindunī, Sōtiates, Sūanētes, Suessiōnes, Sunūci, Svelteri, Talliates, Tarbellī, Tarusates, Tauriscī, Tectōsāgi, Teurī, Trībōci, Tricōrī* букв. «три войска», *Turonī*. Перечень, приведенный здесь почти целиком, преследует цель наглядно показать, как кельтские этнонимы построены в сравнении с германскими, с одной стороны, и славянскими — с другой. У кельтов, как у германцев, немалую роль играли описательные этнонимы с аппеллятивной основой («надутые», «страшные», «конные», «блестящие», «прыгуны», «приятные», «мирные»). У кельтов, как у славян, бросается в глаза наличие «речных» этнонимов (примеры — выше). У кельтов этнонимия заметно более словообразовательная по своему характеру, что сближает ее скорее со славянской этнонимией. При этом намечаются любопытные сходства префиксальных моделей (особенно замечателен параллелизм кельт. *Ambi-dravi* и слав. **Ob-odrīti*, с этимологически тождественными приставками в одной и той же функции) и суффиксальных моделей, ср. выше ряд кельтских примеров с формантом *-t-*, при менее различимом участии *n-* форманта (впрочем, ср. кельт. *Mori-ni* и слав. **romor-ēne*). У кельтов, как у славян, есть общий этноним для всей совокупности кельтских племен.

Иллирийские этнонимы ³⁸: *Autariatae* «жители (с реки) Тара», *Daesititates, Δάρδανοι, Dalmatae, Ἰλλυριοί, Jāpōdes/Japydes, Μεσσηνιοί* «жители междуречья», *Ναήνσιοι* «жители (по реке) Нарон», *Oseriates, Παίονες, Colapiani, Varciani, Iasi, Surapilli, Seretes, Azali, Osi, Arvates, Catari, Andizetes, Παρθῖνοι, Pazinates, Πελαγῖται, Πελαγονες, Peucetii, Sardeates, Θουάται, Labeates, Bassantes, Κορκοντοί, Curictael-tes, Rundictes*. В литературе отмечается сравнительно высокая продуктивность модели на *-t-* суффиксальное среди этнонимов Иллирии ³⁹. Исследователь иллирийских языковых остатков А. Майер специально выделяет эту иллирийскую особенность, «в то время как греческому этническим названиям на *-t-* чужды, поэтому такие племенные названия как Βοιωτοί «жители у горы Βοῖον ὄρος» или Ἀποδωτοί «жители подножья»... обнаруживают иллирийскую структуру» ⁴⁰.

Фракийские этнонимы ⁴¹: *Βηρσοί, Βιθυνοί, Βίστονες, Βοττιαῖοι, Βρέναι, Γαλαῖοι, Γέρραι, Γέται, также Γετηνοί, племя на нижнем Дунае, к северу от Балкан, Γόνδραι, Δαχοί/Δάχοι, также Δάοι/Δάοι, Δανθαλήται, Digerri, Diobessi, Δτοι, Δολιόνες/Δολιόνιοι/Δολιείς, Δόλοχοι, Ζηράνιοι, Ἰδωνοί, Ἰρᾶκες, Θυνοί, Καῖνοι, Carbilesi, Κάρποι, также Καρπιανοί, Celegeri, Κίκονες, Coelataetae maiores, Κόραλλοι, Κορκῖλοι, Costobocae, Κρηστωναῖοι/Κρηστώνιοι/Κρηστώνες, Κρόβυζοι, Λαδωφοί, Μαιδοί, Μελανδιται, Moesi, Moriseni, племена на повтийском побережье, Ὀβουλήνσιοι, Ὀδρῶνται, Petoporiani, Πιάσται/Peastii, племя, соседящее с астиями, Saboces, Σαῖοι, Σαπαῖοι, Σάτραι, Σερδοί/Σέρδιοι/Σαρδοί, Σιδωνες, Σινδωναῖοι, Σίντιες, Σιντοί, Στρομόνιοι, Τιλатаῖοι, Τράλλεις/Τράλλοι, Τρασσοί, Τρίρες/Τριῖρες, Τριζοί, Τρίσπλοι, Τραχαλεῖς, Τυраγῆται, племя на реке Тирас, Τυρανοί, жители города Тирас.*

³⁸ См.: А. Мауер, Die Sprache der alten Illyrier, I, Wien, 1957, passim. Этноним *Japodes* цит. по кн.: А. Нолдер, указ. соч., II, стлб. 9.

³⁹ А. Мауер, указ. соч., II, Wien, 1959, стр. 241—242.

⁴⁰ Там же, стр. 244.

⁴¹ D. Detschew, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957 (= «Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung», XIV).

Этнолингвистическое разграничение иллирийских и фракийских племенных названий очень затруднено ввиду того, что не сохранились сами языки. В основе этнической атрибуции часто лежит географическое положение и свидетельство древних авторов. Тем не менее из приведенного списка очевидно, что фракийской этнонимии присуща прежде всего продуктивность суффикса *-n-*. Этнонимический характер этого форманта явствует из наличия пар Γέται/Γετῆνοι, Κάριαι/Καρίανοι, относящихся к одному и тому же этносу. Этот же формант *-en/-an-* популярен в дако-фракийских этниконах (названиях жителей): Βορδογῆνες: *Burdapa*, Δραδιῆται: *Дради[а], Τόρας: *Tóras*. Количество этнонимов на *-t-* (в отличие от Иллирии) минимально, их принадлежность к фракийскому иногда сомнительна.

Несомненна древняя сопредельность или по крайней мере близость иллирийской, фракийской и славянской языковых территорий. В другой работе мы попытались показать выход фракийской гидронимии в Среднее Поднепровье, а иллирийской гидронимии — в верхнее Поднестровье и северное Прикарпатье. Решающее и еще не до конца исследованное значение приобретает в этих вопросах сличение типов и структур этнонимии древних иллирийцев, фракийцев, славян. Иллирийско-славянским этнонимическим параллелизмом можно считать наличие *-t-*суффиксальных производных в иллир. *Autariatae*, *Dalmatae*, *Oseriates* и др. (выше), с одной стороны, и в слав. **dědošitji*, **drěgvitji*, **ezeriti*, **krivitji*, **obodriti*, **vętitji* и т. д. — с другой стороны. Фракийско-славянские структурно-типологические параллели этнонимии, пожалуй, еще заметнее, чем иллирийско-славянские. Здесь имеются близкие префиксальные модели: *Pe-hastii* (выше) — **po-labi*, **po-mor'ane*. Но главное, инновационное сходжение относится к модели с суффиксом *-en/-an-*: Γετῆνοι, Καρίανοι, *Moriseni*, *Petoporiani* и др. — **beržane*, **bužane*, **bobr'ane*, **čerzpeněne*, **derujane*, **moravjane*, **potom'ane*, **slověne* и др. (выше). Слависта не может не заинтересовать наличие во фракийских этнонимах точных соответствий славянским суффиксальным вариантам *-en/-jan-*.

Тем не менее славянская этнонимия, обнаруживая не только эти последние, но также и упомянутые выше особенности, т. е. обладая образованиями не только на *-n-*, но и на *-t-*, занимает в плане словообразовательной типологии как бы срединное, промежуточное положение между иллирийским и дако-фракийским, что, возможно, как-то связано с древним географическим взаиморасположением соответствующих индоевропейских этносов. Разумеется, ни иллирийская, ни славянская, ни фракийская этнонимии не ограничиваются только что названными словообразовательными особенностями, которые являются лишь наиболее яркими и как бы исключительными характеристиками.

Теперь попытаемся ответить на вопрос о типе славянского этнонима, опираясь на обзор этнонимии древней индоевропейской Европы, еще не охваченной развитыми государственными образованиями. Ранний славянский этноним, как правило, не тождествен апеллятиву (исключения случаются на перифериях и объясняются индивидуально), но представляет собой четко формализованное производное, принадлежащее к той или другой словообразовательной модели; из них особенно присуща славянской этнонимии модель с суффиксом *-it-* (а также его расширением *-itj-*) и модель более поздней продуктивности с суффиксом *-en/-jan-*. Описанный тип раннего славянского этнонима весьма далек от типа балтийских и германских этнонимов; он ближе к кельтской, особенно же — к иллирийской и фракийской этнонимии, занимая промежуточное положение между двумя последними. В определенном смысле эти отношения отражают отношения соответствующих языков (ср. чистые апеллятивы в роли этнонимов у герман-

цев и яркую словопроизводную оформленность этнонимов у славян), но этот раздел ономастики представляет как бы заостренный и тем самым — самостоятельный очерк общезыковых отношений, а по языкам исчезнувшим это вообще единственное и наиболее авторитетное свидетельство. Хотя речь намеренно ведется о наиболее древних этнонимах, мы не встретили ни одного примера подлинного этимологического тождества славянского этнонима с другими индоевропейскими, поэтому приходится говорить только о случаях типологического параллелизма вроде *Morini* — *Moriseni* — **pro-mor'ane*. Сказанное свидетельствует еще о том, что этнонимы (славянские, балтийские, германские, кельтские, иллирийские, фракийские) — порождение уже обособленных соответствующих этнолингвистических групп индоевропейцев; их типологические и материальные сходства (см. выше) — не генетического, а контактного происхождения. Понятно, что это лишь повышает наш интерес к этнонимам.

Что касается знаменательной (лексической) семантики этнонимии (славянской, а также сравнительной), отметим лишь семантические ограничения, как бы налагаемые этнонимической типологией. Так, например, древние славянские апеллятивы *gostь* «гость» и *talь* «заложник» известны в роли антропонимов (личных собственных имен людей), однако нам не встретились этнонимы с первоначальной семантикой «*заложники».

Мы не входим здесь в детали таких чрезвычайно важных социолингвистических и социально-исторических проблем, как связь количества этнонимов и соответствующей им численности людей (для этого еще, по-видимому, отсутствуют критерии оценки, хотя определенная зависимость обеих категорий должна быть признана с еще большей очевидностью, чем, например, признаваемая зависимость количества слов в словаре языка от численности говорящих на данном языке).

Есть еще одна особенность, которая ставит раннюю славянскую этнонимию в ранг более развитых, чем, например, балтийская и даже германская этнонимия, одновременно типологически сближая еще на один шаг этнонимиию славян с этнонимиями южных индоевропейцев. Эта особенность общеизвестна, и вместе с тем она как-то игнорируется; иначе мы затрудняемся объяснить равнодушие или нежелание индоевропейцев и даже славистов извлечь очевидные и теоретически веские уроки из этого факта — из существования общего самоназвания **slověne* «славяне». Общеизвестный факт древнего наличия единого самоназвания **slověne* говорит о древнем наличии адекватного единого этнического самосознания, сознания принадлежности к единому славянству, и представляется нам как замечательный исторический и культурный феномен. Из числа сравнимых общих самоназваний целых этнолингвистических групп, характерных, как уже сказано, больше для южных индоевропейцев, упомянем уже называвшиеся *Celtae*, *Ἰλλυριοί*, *Θράκες* и особенно *arya-* — общее этническое имя древних иранцев и индоарийцев. Но у всех перечисленных южноиндоевропейцев общие самоназвания этого рода принадлежат скорее историческому прошлому (хотя иногда и возрождаемому искусственно), тогда как общее самоназвание славян живет до сих пор непрерывной жизнью с раннепраславянского времени.

III. Этнонимы и расселение славян

Интерпретация языковых фактов и тенденций в первых двух этюдах нашей работы (центр ориентации раннеславянских передвижений, информированность праславян о Карпатах, возможно — о Дунае и о более отдаленных местах, типологические сходства структуры ранних славянских племенных названий с племенными названиями других индоевропейцев,

основанные не на этимологическом родстве, что также вызывает мысль о контактах), предполагает одну идею, которую можно назвать главной для нашего понимания славянской этнонимии и этногенеза, — идею незамкнутости славянской прародины.

Миграционные волны славян расходились центробежно по тем же (более или менее) направлениям и путям, по которым центростремительно осуществлялся до этого культурный и этнический импорт в первоначальную Славия. Районами, посылавшими эти импульсы, как бы вызвавшие затем ответные миграционные походы славян, были примерно следующие: 1) южный берег Балтийского моря (и Полабье), откуда шли германские влияния; 2) западная часть Балканского полуострова, откуда «Янтарным путем» через Моравские ворота на север шли средиземноморские влияния; 3) восточная часть Балканского полуострова, связанная через низовья Дуная и Днестра со Средним Поднепровьем общностью трипольской культуры; возможно, также 4) Верхнее Поднепровье и земли к северу от него, где и раньше должен был пролегать путь от Балтийского моря к Черному; наконец, такой более проблематичный район, с влиянием которого мы, тем не менее, должны считаться, как 5) Приазовье — восточная часть древней Скифии и территория Сарматии, а также, возможно, иных индоевропейских народов, о следах которых мы можем пока говорить лишь приблизительно.

Один пример в связи с последним районом, упоминание которого в отношении к первоначальной Славии звучит, на первый взгляд, неправдоподобно. Однако именно там локализуется народ с названием Σέρβοι (между Кавказом и Волгой, Птолемей), *Serbi* (Плиний), созвучным этнониму **srъbъ*, **srъbi* у западных и южных славян. Историк-комментатор избирает легкий путь, считая это созвучие случайным⁴². Но почему бы уж тогда заодно не счесть «случайным» и поразительное сходство другого славянского этнонима, упоминавшегося нами ранее, — **xъrvatъ* с именем собственным Χορσάδος, Χορσάδος (Танаис, надпись II—III вв. н.э.), а вместе с этим объявить случайной и территориальную близость древних форм Χορσάδος, Σέρβοι, *Serbi*? Не слишком ли много случайностей? Явно иранское имя Χορσάδος (ср. авест. *haurvatat*—«целостность», другие, тоже иранские сближения менее убедительны) не встречается в довольно богатой античной эпиграфике нигде на запад от Танаиса⁴³. Вряд ли правильно думать вместе с К. Мопшинским, что в таинственном Σέρβοι представлено некое «классическое» (?) скифское **serv-*, давшее позднее **xarv-*, откуда **Xarvat-*⁴⁴, поскольку известно, что иранский скифский язык был с самого начала, так сказать, *x*-языком (т. е. с переходом *s* этимологическое > *h*). Единственное, что нам в таком случае остается, это видеть в форме Σέρβοι отражение какого-то неиранского индоарийского **servo-*, ср. др.-инд. *sárgva-*—«целый, весь» (аналогично германскому этнониму *Alemanen*, букв. «все мужчины»).

Безоговорочно примкнуть к укоренившемуся в славистике взгляду о том, что повторяемость этнонимов мало что дает для истории расселения⁴⁵, значило бы, как нам кажется, пойти по пути наименьшего сопротивления. Внимательное рассмотрение показывает, что ранние славянские этнонимы неоднородны в интересующем нас здесь плане. Помимо таких названий, как **slavěne* и **pol'ane*, допускающих широкое, неоднозначное приуроче-

⁴² «Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian», Cz. I (do VIII wieku). Przetłóżył i opracował M. Plezia, Poznań — Kraków, 1952, стр. 45—46.

⁴³ См. таблицу в кн.: L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praga, 1955, стр. 184.

⁴⁴ К. Мосzynski, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław — Kraków, 1957, стр. 147.

⁴⁵ Ср. еще: A. Brückner, Ursitze der Slaven und Deutschen, AfslPh, XXII, 1900, стр. 238.

ние, можно выделить ряд более или менее однозначных этнонимов в этом смысле. Уникальные апеллятивные и прочие связи позволяют более уверенно просматривать траекторию, пройденную таким этнонимом. Вряд ли следует сомневаться в том, что южное племя *севери*, *северяне* в Дунайской Болгарии как-то связано с восточнославянским племенем *северяне* (букв. «северные»). Этот пример дочернего характера балканославянского этнонима в отношении к восточнославянскому не единичен. Столь же бесспорно тождество балканославянских *Дра҃гоуѣти* в Македонии с восточнославянскими *Дроу҃гоуѣти* (Константин Багрянородный), *дреговичи* (Лавр.). Важно констатировать здесь исходное апеллятивное русск. диалект. (смол.) *дря҃га* «болото, зыбун, трясина», белорусск. *дрегва́* «трясина в болоте», укр. *дра҃гва́*, *дра҃гва́* «топь, топкое место», отметив при этом, что нигде более в славянском мире болото не обозначается этим словом⁴⁶. Слово *дря҃га*, конечно, родственно *дрожать* (ср. *трясина*, *зыбун*), и ни оно, ни *дреговичи* с балтийской лексикой не связано. Прочие этимологии названия южных другувитов⁴⁷ недостоверны. «Древнерусский» этнонимический вклад на Балканах этим не ограничился. Выше вскользь уже отмечалось наличие топонима *Kryvitsani* в Греции (Пелопоннес), по данным Миклошича⁴⁸. Фасмер в своей известной книге о славянах в Греции отказывается видеть здесь русское племенное название *кривичи*. Он предпочел бы говорить на этой территории о серб.-хорв. **Кривийи* или болг. **Кривици*, хотя и понимает, что таких форм нет⁴⁹. Интересно, однако, что формой, практически тождественной пелопоннесскому *Kryvitsani*, Константин Багрянородный в X в. обозначает именно древнерусских кривичей. Еще одно славянское племя в южной части Балканского полуострова носило тысячу лет назад имя, которое тоже, по-видимому, восходит к восточным славянам — *смолены/смоляне* (греч. *Σμολέανοι*, *Σμολένοι*), откуда *Смолен*, город в юго-западной Болгарии. Опираясь отчасти на эту форму, можно реконструировать древнерусское племенное название **смоляне*, от которого непосредственно произведено название города на Верхнем Днепре *Смоленскъ*, а также его более редкий вариант *Смольскъ*⁵⁰; название города целесообразно толковать как «город смолян, смолянский город», а в самих смолянах видеть подразделение кривичей, «...ихже градъ ѿсть Смоленскъ» (Лавр. л. 4).

Все это так, ответят нам, этнонимы действительно похожи, но это опять ничего не говорит о расселении, об этнолингвистической природе самих племен, расселявшихся по югу Балканского полуострова и колонизировавших Грецию, кроме того, что и так уже известно о болгарской языковой природе топонимических следов славян в Греции⁵¹. Да, верно, что наблюдаемые там фонетические рефлексy отражают закономерности болгарского, но никто иной как А. М. Селищев показал фронтальную сменяемость одних рефлексов сочетаний зубного согласного с йотом другими в Македонии, причем в ономастике уцелели лишь остатки древнего состоя-

⁴⁶ См.: Л. В. Куркина, Названия болот в славянских языках, «Этимологии. 1967», М., 1969, стр. 137.

⁴⁷ Ср.: М. P a v l o v i ć, Najstariji makedonsko-plemenski nazivi i principi nastanka etnonima, «Четврто заседание на Меѓународната комисија за словенска ономастика...», стр. 131.

⁴⁸ F. Miklosich, Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen, стр. 270—271.

⁴⁹ M. V a s m e r, Die Slaven in Griechenland, Berlin, 1941 (= APAW, Jg. 1941, Nr. 12), стр. 163.

⁵⁰ G. J a c o b s s o n, A rare variant of the name of Smolensk in Old Russian, «Scando-slavica», X, 1964, стр. 148 и сл.

⁵¹ M. V a s m e r, указ. соч., стр. 324.

ния. Тем самым значение ономастики как сигнала об иных этнолингвистических отношениях древности неизмеримо повышается, о чем надлежит напоминать всегда, когда отмахиваются от кривичей и дреговичей на Балканах лишь потому, что они не вставляются в привычную схему.

Дело в том, что языковые отношения, постепенно возобладавшие на какой-либо территории, необязательно должны характеризовать ее с самого начала; пожалуй, как раз наоборот, особенно если речь идет о территории нового освоения. Состав колонизирующего этноса не мог не быть пестрым, этнолингвистическая пестрота племенных союзов вообще не редкость. Если для суждения по этой широкой проблеме истории языка и этногенеза одних племенных названий недостаточно, то нельзя одновременно с этим преуменьшать того факта, что свидетельства племенных названий могут дать новое верное направление научным поискам. Мы говорим так, потому что есть, кроме этнонимов, другие, прежде всего лексические факторы, не подчиняющиеся чисто южнославянской теории освоения Юга Балкан. Любопытно, однако, что односторонняя концепция или предвзятость позволяет пройти в принципе мимо любых фактов, оставив их незамеченными.

Вот несколько примеров. В Греции (округ Янина) отмечен топоним *Κοιήσπολις*, давно соотнесенный со славянским оборотом *копѣсь роуа* «конец поля»; Фасмер указывает на неоднократное польск. *Końiespol*, ограничиваясь признанием, что у балканских славян он ничего подобного не нашел⁵². Озеро, на котором расположена сама Янина, носит название *ὁ Μεγάς Ὑδρὸς* (но ср. болг. *езеро*, серб.-хорв. *jezero*!), однако Фасмер пишет тут буквально следующее: «Совпадение с *о-* в русск. *озеро* должно считаться случайным, поскольку за пределами восточнославянского здесь *о-* не встречается»⁵³. Ср., далее, *Μεγάλη Ὑδρὸς*, *Μικρὰ Ὑδρὸς*, два озера в Акарнании⁵⁴. Местное название *Ζυχάρι* в округе Триkkalа Фасмер правильно связывает с украинскими гидронимами *Сухогар(ь)* и *Згар(ь)*, правый приток Ю. Буга⁵⁵, оставляя это без комментариев. В том же округе отмечен топоним *Τολλίτσα*, возможно, связанный с русск. *толпá* и лишенный соответствий в болгарском и сербохорватском⁵⁶. Далее, местное название *Μπαλαμούτι* может быть объяснено только в связи с русск. *баламут*, *баламутить*, польск. *balamucić*, тогда как в южнославянских языках это слово неизвестно⁵⁷; название *Πολοζίτσα* явно восходит к слав. **polovica*, неизвестному в такой форме в южнославянских языках и их топонимии⁵⁸, но достаточно известному, например, из украинской топонимии. Ссылки на то, что мы еще не очень хорошо знаем лексику славянских языков, звучат перед лицом групповых свидетельств все менее и менее убедительно.

Но вернемся к этнонимам. Какие этнонимы времен славянской колонизации встречаются в Греции? Оказывается, что, кроме племенных названий болгаро-македонских славян, наиболее ответственных за распространение в Греции славянской речи болгарского типа (*Βαλκονίται*, *Βελέγεῖται* и др.), там есть следы этнонимов славян, не принадлежавших к болгаро-македонской группе. Не говоря о северянах, другувитах и смолянах, под именами которых могли скрываться как болгарские, так и русские сла-

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ Там же, стр. 45.

⁵⁴ Там же, стр. 74.

⁵⁵ Там же, стр. 90—91.

⁵⁶ Там же, стр. 97.

⁵⁷ Там же, стр. 101.

⁵⁸ Там же, стр. 172.

вяне⁵⁹, вспомним называвшиеся следы кривичей, где уже трудно говорить об одних болгарях. Ср., далее, топонимы Харѣзи⁶⁰, та Хърѣзи⁶¹, далее — Тсехорѣ⁶², так или иначе связанное с этнонимом чехов, даже Корѣзи, связанное с названием половцев⁶³, видимо, вовлеченных в общий поток славянской миграции.

Типологическую аналогию первоначальной пестроте и неоднородности этнолингвистического состава населения разных зон великой славянской миграции, из которых мы несколько подробнее выделили выше Юг Балканского полуострова и Грецию, можно видеть в диалектной пестроте русской Сибири. Так же, как в Сибири и особенно — на русском Дальнем Востоке⁶⁴, в новых областях славянской колонизации постепенно из прежней разноречивой пестроты складывалось преобладание какого-то одного типа языка. Мы стремимся всеми доступными средствами проникнуть в лингвистическую обстановку той начальной поры, полустертую под воздействием всей последующей нивелировки. В свете сказанного выше нам кажутся объяснимыми и не вызывающими удивления западнославянские этнические компоненты в составе насельников Восточно-Европейской равнины, ср. летописную традицию о радимичах и вятичах, а также смежные следы дулебов и их упомянутые выше корни, далее — этноним **serbi* в Полабье, и лингвистический тезис о вторичном вхождении сербов-лужичан в западнославянскую группу, западнославянские ободриты, которых письменная история застаёт близ Любека и реки Варнов, несущие в своем этнониме память о первоначальном проживании по обоим берегам Одера, вопреки всем сомнениям⁶⁵, и соседние с болгарями на Дунае, с севера, *Abotriti*, qui vulgo Praedenecenti vocantur (Франкские анналы под 822 г.), по всей видимости, переселившиеся сюда со славянского северо-запада⁶⁶.

Пестроту пришедших славянских племенных конгломератов довершала на перифериях их экспансии новая пестрота местных этнолингвистических контактов, папэдшая ограждение в ряде славянских этнонимов. В этих условиях появились, по-видимому, некоторые ранее отсутствовавшие славянские названия, образованные из славянских морфем, которые трудно формально счесть заимствованиями, но влияние на них другого близкого индоевропейского образца в контактной области возможно. Так можно смотреть на славян по имени *Есѣрѣти*⁶⁷ в Греции, ср. выше этноним

⁵⁹ См. о культурной, этнографической близости дунайских болгар и восточных славян: П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, 2-е изд., М., 1953, стр. 197—198.

⁶⁰ M. Vasmer, указ. соч., стр. 123.

⁶¹ Там же, стр. 319.

⁶² Там же, стр. 232.

⁶³ E. Miklosich, указ. соч., стр. 272.

⁶⁴ Ср.: А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, в кн.: А. М. Селищев, Избр. труды, М., 1968, стр. 225 и др.; П. Я. Черных, Русский язык в Сибири, Иркутск, 1936, стр. 32, где специально о говорах Дальнего Востока; е го же, Сибирские говоры, Иркутск, 1953, стр. 57 (о вторичной однотипности и монолитности русских говоров Сибири).

⁶⁵ См.: Л. Нидерле, указ. соч., стр. 113; J. Otębski, Oder, Obodriten, «Studia linguistica slavica baltica C.-O. Falk sexagenario... oblata», Lundae, 1966, стр. 203 и сл.; S. Urbaičzyk, O pochodzeniu nazwy Obodrytów, там же, стр. 309 и сл.; T. Witkowski, указ. соч., стр. 71; M. Vasmer, Der Name der Obodriten, в кн.: M. Vasmer, Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, II, Berlin, 1971, стр. 734—732; E. Moško, указ. соч., стр. 289 и сл. (справедливо отстаивает чисто славянский характер суффикса *-it-*, но собственная этимология автора — от слав. **bodr-* «углубление, долина, впадина» — сомнительна); е го же, Przyrostek *-it-* w niektórych nazwiskach polskich i słowiańskich etnicznych, «Lingua posnaniensis», XVII, 1973, стр. 49 и сл.

⁶⁶ О генезисе наддунайских ободритов иначе (и маловероятно) см.: Л. Нидерле, указ. соч., стр. 86.

⁶⁷ Там же, стр. 90.

Oseriates в иллирийской Паннонии. Соотносительным (в смысле мены суффиксов *-it-*: *-ĕn-*) можно считать название вроде *Езерени*, село близ Преспанского озера, Македония⁶⁸. Такой славянский этноним VI—VII вв. в Македонии, как *струмляне*, *струменцы*⁶⁹, попросту может продолжать античное *Στρομόνιοι*, обозначение по реке Стримону (Струме) одного из фракийских племен⁷⁰. Славяне-ринхины (*Ῥινχίνοι*), там же и того же времени⁷¹, могли быть названы по гидрониму греч. (визант.) *Ῥινία*, видимо, фракийского происхождения⁷². Некоторые названия по-прежнему не поддаются однозначной этимологизации (например, *велегезиты*, *сагудаты* в Македонии). Та же картина лингвистических контактов прослеживается по славянским этнонимам на западной периферии славянской экспансии. Славяне-варны (*Varnavi*, *Varnabi*) у берегов Балтийского моря⁷³ трудно отличимы по названию от тамошних варнов-германцев (античное *Οβάρυοι*, Мекленбург, II в. н. э.)⁷⁴. Вызвавшие столько споров далеминцы (*Talamini*, *slavi qui vocantur Dalmatii*, IX в.), они же гломачи, носят явно дославянское, иллиро-венетское название, тождественное иллир. *Dalmatae*, букв. «овечьи (пастухи)», ср. алб. *dele*, *delmë* «овца»⁷⁵. Узколокальный этноним **čexъ*, **česi*, известный только на этой славянской периферии, по-видимому, продолжает (калькирует) внутреннюю форму «*бойцы» (ср. слав. **česati*, **čezati*, также в значении «бить») местного кельтского этнонима *Boii* (других этимологий много, но они не кажутся убедительными). Моравское племя *Holasici* (стар. *Golensici*) так или иначе восходит к этнониму балтийских галиндов, что соответствует наблюдениям над балтийскими следами в диалектной лексике восточной Чехии⁷⁶.

Предложенная выше аналогия между расселением славян и русским освоением Сибири с ее первоначальной диалектной пестротой и последующей относительной однородностью носит, конечно, свободный характер. В условиях родового строя передвижения населения производились целыми племенами, а не мелкими единицами нового времени (семья). Более или менее свободной и пестрой могла быть только комбинация родов, племен, поднимавшихся в путь к новым землям. Это объясняет в свою очередь живучесть ранних славянских этнонимов, сохранившихся лингвистических знаков разных славянских этносов, мигрировавших в самых различных направлениях.

*

В заключение — несколько слов о связанной с миграцией языковой судьбе славянства. Истина лежит где-то посередине — между новой теорией польского ученого Е. Налепы о заселении славянского Юга исключительно со славянского Запада⁷⁷ и традиционной теорией о заселении соответственно Запада, Востока и Юга особыми монолитными потоками из первоначально единого славянского центра. О теории Налепы можно

⁶⁸ См.: И. Заимов, Заселване на българските славяни на Балканския полуостров, София, 1967, стр. 130.

⁶⁹ M. Pavlović, указ. соч., стр. 116, 121.

⁷⁰ D. Detschew, указ. соч., стр. 482.

⁷¹ M. Pavlović, указ. соч., стр. 116.

⁷² D. Detschew, указ. соч., стр. 5.

⁷³ Л. Нидерле, указ. соч., стр. 113—114.

⁷⁴ E. Schwarz, Germanische Stammeskunde, стр. 116.

⁷⁵ E. Eichler, H. Walther, Die Ortsnamen im Gau Daleminze. Studien zur Toponymie der Kreise Döbeln, Großenhain, Meißen, Oschatz und Riesa. I. Namenbuch. Berlin, 1966, стр. 397 и сл.

⁷⁶ О. Н. Трубачев, «Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24—26 апреля 1973 г.). Тезисы докладов и сообщений», М., 1973, стр. 58.

⁷⁷ J. Nalepa, Słowiańszczyzna północno-zachodnia, Poznań, 1968.

сказать, что она страдает односторонностью и объясняет лишь часть фактов (например, наддунайские ободрицы, действительно, пришли на Юг с Запада, с Одера, но болгаро-македонские северяне, смоляне и другувиты пришли на Юг достоверно с Востока, следы кривичан на Юге ведут тоже на Восток, в свою очередь дулебы и некоторые другие племена проделали путь с Запада на Восток, хорваты и сербы прошли с Востока через Запад на Юг).

О широко известной теории тройственного разделения славян можно сказать, что она во многом устарела как в том, что касается концепции первоначальной слабой диалектной расчлененности славянства, так и особенно в воззрениях на славянское расселение как на некий процесс разделения одного монолита на три монолита поменьше с отличиями, вторично развитыми каждым из них в себе. Эти три дочерние части славянства не были и не могли быть первоначально однородными лингвистически. Вторым после этнонимов, а по количеству — даже первым лингвистическим знаком первоначальной этнолингвистической пестроты носителей славянских миграций к Западу, Югу и Северо-Востоку являются пестрые (и, как мы полагаем, не случайно пестрые) лексические изоглоссы, которые в массе выглядят как польско-болгарские, сербохорватско-украинские, полабско-великорусские... и т. п. соответствия, невероятно мозаичные и затрудняющие восстановление древней диалектной картины, которая предварила языковую нивелировку новых этнолингвистических славянских конгломератов Запада, Юга и Востока. Чем дальше движется работа по праславянской реконструкции и этимологизации лексики для нового этимологического словаря славянских языков⁷⁸, тем более стойким делается впечатление мозаичности упомянутых внутриславянских изолексов. Концепции вроде карпатско-полесского пояса диалектных изоглоссов, возможно увлекают воображение своей стройностью, но они, увы, попросту тонут в той праславянской сложности, которую дает сплошная реконструкция древнего состава славянской лексики. Однако обескураживающая на первых порах сложность получаемого результата может, кажется, привести к выводам, затрагивающим существо наших представлений о славянском языковом развитии: 1) западнославянские, восточнославянские и южнославянские языковые группы вторично консолидировались из компонентов самого разного языкового происхождения; 2) первоначальная Славия была не языковым монолитом, а его противоположностью, т. е. если монолит — это отсутствие противопоставленных изоглоссов, то противоположность ему — сложная совокупность изоглоссов.

Работать с понятиями первоначально монолитного праславянского языка, вторично дифференцировавшегося известным образом, вероятно, привычнее и удобнее, но этими удобствами придется поступиться, так как они ведут к красивым, но искусственным построениям, как, например, ниже следующее, принадлежащее перу одного из классиков славянского языковедения: «В рамках этой культуры (культура ямных погребений.— О. Т.) выделяются с самого начала два подразделения: на севере так называемая оксивская культура, на юго-востоке — культура, называемая пшеворской. Эта дифференциация находит параллель в формировании языковых отношений в праславянском языке. А именно, как показали исследования последних лет, праславянский язык распадался на две диалектные группы: западную, из которой со временем развились западнославянские

⁷⁸ Готовится в Институте русского языка АН СССР. В своих выводах мы опираемся на сплошную обработку праславянских словарных данных на А, В, С, Ш, отчасти D в первых пяти выпусках этого словаря. Развертывание этого материала выходит за рамки настоящей статьи.

языки, и восточную, из которой произошли восточнославянские, а также южнославянские языки... Таким образом, можно принять, что так называемый оксивский культурный комплекс соответствовал языковым предкам западных славян, а пшеворский культурный комплекс — предкам восточно- и южнославянских племен... Все эти культурно-языковые комплексы, взятые вместе, представляют в последние 2—3 века до н. э., а также в первые 2—3 века н. э. большой, но еще относительно компактный праславянский этнолингвистический комплекс, дальнейшее распространение которого в восточном, южном и западном направлении привело к дифференциации и распадению на три группы: западную, восточную и южную»⁷⁹. В настоящей статье мы предприняли попытку выйти за пределы этой схемы или подобных ей схем.

⁷⁹ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i, Konspekt zarysu etnogenezy Słowian, «Z polskich studiów slawistycznych», Seria II, Warszawa, 1963, стр. 10—11.